

шой ящичек с мануфактурными и галантерейными товарами, которые разносились коробейниками' (<укр., русск. *коробка*), *g[oa]nă* 'сигнальный рожок' (<русс. *горн*), *l[oa]dbă* 'кусоч дерева, расколотый топором из бревна' (<укр. *лодба*), *postor[oa]ncă* 'постромка; пройдоха' (<укр. *посторонок, -ика*). В таких случаях дифтонгизация произошла, очевидно, по аналогии со словами типа *droagă*. О том, что нормой при стечении согласных является отсутствие перехода *ó < oa*, а не наступление его, говорят фонетические варианты подобных слов, в которых дифтонгизации не наблюдается: *cor[o]bcă*, *l[o]dbă*, *postor[o]ncă*, зафиксированные почти во всех толковых словарях румынского языка.

и > о. Субституция звука *и* рум. *о*, характеризующимся закрытостью¹, наблюдается как в ударных, так и в безударных слогах. В безударном положении: *c[o]rhană* 'холм, а также обрывистый склон холма' (<укр. *курган*), *h[o]leac* 'развратник' (<укр. *гуляка*), *m[o]jic* 'грубый, невоспитанный человек' (<русс., укр. *мужик*), *m[o]ndir* 'в XIX в.: военный китель' (<русс. *мундир*), *păp[o]sti* 'напускать' (<укр. *напустити*), *por[o]boc* 'маленький мальчик' (<укр. *парубок*). В ударном положении: *b[o]nt* 'мятеж' (<укр., русск. *бунт*, польск. *bunt*), *cea[o]n* 'чугунный котелок' (<укр. *чавун*; ср. и тюрк. *čahun*), *pol[o]boc*² 'бочка' (<укр. *полубочок*), *tab[o]n* 'стадо степных лошадей' (<укр., русск. *табун*). Указанный переход наблюдается чаще всего в безударной позиции (ударное *и* передается непоследовательно рум. *о*; ср. фонетические варианты *cea[u]n*, *b[u]nt*, *tab[u]n*). Явление *и > о* характерно и для румынских слов древнеславянского суперстрата (в безударном положении), но там оно наблюдается в абсолютном начале слова (*ogodi < ugoditi*, *omorî < umorîti*, *ostoi < ustojati* и т.д.)³.

В связи с рефlekсами тех или иных восточнославянских гласных в румынских словах необходимо отметить, что некоторые явления не объясняются ни акустической близостью соответствующих звуков (известным сходством объясняется, например, соответствие укр. *е > рум. â*: *ialoc[ă]* 'можежеватель' < укр. *яловець*, *s[ă]rdac* 'крестьянская сермяга' < укр. *сердак*), ни фонетическими законами (например *ó < oa*), специфичными для румынского языка и его говоров. Это такие случаи, которые можно было бы назвать мнимой адаптацией, так как они не основаны на звуковой модификации или субституции, а просто на передаче фонологическими средствами заимствующего языка реального звучания той или иной фонемы в некоторых говорах, например украинских. В подобных словах фонетические факты диалектного порядка затемняются орфографией литературного языка (например, в словарях, где указывается этимология заимствований), что создает впечатление известного звукового соответствия, ложного на самом деле. Вот несколько примеров (в скобках указывается реальное равенство):

'a > e (*e = e*): *cel[e]dnic* 'слуга; подручный' (< укр. *челядник*), *holt[e]* 'неженатый, холостой; молодой человек, которого пора женить' (<укр. *гольтай*), *stol[e]* 'столяр' (<укр. *столяр*). В указанных словах рум. *е* не является результатом адаптации укр. лит. *а* в положении после мягкого согласного, а соответствует укр. диал. *е*. Известно, что на месте укр. лит. *'а* в юго-западной диалектной

¹ См. *Gramatica limbii române*, I, Ed. Academiei R.P.R., București, 1954, стр. 86.

² В румынском слове наблюдается передвижение ударения на последний слог.

³ См. AL. ROSETTI, *Istoria...*, стр. 92—93; Ovide Densusianu, *указ. соч.*, стр. 273.